

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Линченко А.А., Овчинников А.В., Благинин В.С., Андриченко С.А. — Межпоколенческая динамика семейной памяти мигрантов: глобальные тенденции и российская специфика // Социодинамика. – 2023. – № 12. – С. 147 - 170. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.12.68949 EDN: NYEOJY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68949

Межпоколенческая динамика семейной памяти мигрантов: глобальные тенденции и российская специфика

Линченко Андрей Александрович

ORCID: 0000-0001-6242-8844

кандидат философских наук

доцент, научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии, Липецкий государственный технический университет.

398002, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Терешковой, 17, кв. 104

✉ linchenko1@mail.ru



Овчинников Александр Викторович

кандидат исторических наук

доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ, доцент кафедры "Менеджмент" Казанского государственного энергетического университета (г. Казань).

422770, Россия, республика Татарстан, село Пестрецы, ул. Комсомольская, 12

✉ ovchinnikov8_831@mail.ru



Благинин Владислав Сергеевич

Научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

398000, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Интернациональная, 12 Б

✉ kibervlad@mail.ru



Андриченко Симона Андреевна

Научный сотрудник, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

650002, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, пр-д Октябрьский, 60, кв. 87

✉ simonaandrisenko@gmail.com



[Статья из рубрики "Миграция и адаптация"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.12.68949

EDN:

NYEOJY

Дата направления статьи в редакцию:

12-11-2023

Дата публикации:

31-12-2023

Аннотация: Статья посвящена анализу межпоколенческих особенностей трансформации семейной памяти внешних мигрантов пяти российских регионов в контексте глобальных тенденций динамики семейной памяти мигрантов. Статья основана на результатах анкетирования и интервьюирования представителей первого, полуторного и второго поколений мигрантов в Липецкой, Саратовской, Свердловской и Кемеровской областях, а также Республике Татарстан. Были проанализированы особенности обращения в семейной памяти мигрантов к культурным практикам принимающего общества, а также межпоколенческие особенности трансляции практик семейной памяти. Исследование нарративов семейной памяти преследовало цель зафиксировать наличие или отсутствие кризиса самоидентификации в связи с эмиграцией информантов первого и полуторного поколения из страны исхода, а также особенности конструирования ностальгических воспоминаний о стране исхода у всех трех поколений мигрантов. Используя транснациональный и праксиологический подходы, авторы рассматривали семейную память мигрантов как конфигурацию актуальных нарративов и практик, включающих память как о стране исхода, так и коммеморативные практики принимающего общества. На основе биографического метода Фритца Шютце в статье были выявлены и проанализированы кривые семейных нарративов трех поколений мигрантов. В статье был подтвержден вывод о сохранении важной роли семейных коммемораций в конструировании идентичности сообществ мигрантов в российской провинции. Основным отличием российского случая в сравнении с глобальными тенденциями трансформации семейной памяти мигрантов является доминирование мигрантов первого поколения оказывающих влияние на семейные коммеморации. Был сделан вывод о сохранении «параллельных» сообществ памяти мигрантов и принимающего общества. В отношении мигрантов это нашло выражение в их открытости только русскому языку, в то время как отношение к российским традициям и праздничной культуре являлось нейтральным. Обращение к поколенческим особенностям трансляции и воспроизводства семейной памяти выявило возрастание различий между первым и вторым поколением. На основе трех наиболее распространенных способов отношения с семейным прошлым у второго поколения (нежелание перенимать, некритическое восприятие традиций, со-производство общего смысла) были выявлены потенциальные конфликтогенные зоны в межпоколенческих отношениях по поводу общих семейных воспоминаний.

Ключевые слова:

семейная память мигрантов, межпоколенческая динамика, транснационализм, историческая культура, коммуникативная память, культурная память, сообщества памяти, коммеморативные практики, интеграция мигрантов, праксиологический подход

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики»

Глобальная миграция является одним из наиболее значимых вызовов современного общества. При этом будет ошибкой рассматривать миграционные сообщества в принимающей стране как нечто монолитное и статичное. Наоборот, исследования современных миграционных обществ за рубежом [\[1, 2, 3, 4\]](#) и в России [\[5, 6, 7\]](#) показывают, что сами внешние мигранты (иммигранты) являются крайне неоднородной группой. Ситуация оказывается еще сложнее при взгляде на неоднородность миграционных сообществ в свете межпоколенческой динамики. Именно на этот момент в свете роста конфликтогенности интеграционных практик мигрантов указывает профессор университета в Оснабрюке (ФРГ), социолог А. Эль-Мафаалани, который показывает, что по мере движения от мигрантов первого и полуторного поколения ко второму и третьему поколению конфликтогенность интеграции не только не снижается, но наоборот растет [\[8, с.41\]](#). Причиной этого являются возрастающие социальные притязания детей и внуков мигрантов, следующих за первым поколением. Подобная ситуация не может не оказывать влияние на взаимоотношения между самими поколениями мигрантов, одним из аспектов которого выступает семейная память. Насколько специфичен российский опыт в свете данной глобальной тенденции? Каковы особенности отношения к культурным традициям и истории принимающего общества в России у разных поколений мигрантов и каковы особенности межпоколенческой трансляции семейной памяти мигрантов? Ответы на эти вопросы и стали предметом представленной вниманию читателя статьи.

Обзор литературы

Несмотря на то, что усилия по изучению истории миграции получают активное развитие в конце 1960-х – начале 1970-х гг. прошлого века на фоне расцвета социальной истории, проблемы коллективной памяти миграционных сообществ входят в исследовательское поле социально-гуманитарных наук только в 2000-е годы. Не будет преувеличением заметить, что ключевую роль в сближении проблематики migration studies и memory studies сыграла эпоха мультикультурализма, позволившая сообществам мигрантов активнее позиционировать свою идентичность, используя коллективную память как инструмент в борьбе за символический капитал. На сегодняшний день исследования памяти мигрантов ведутся по трем направлениям: а) личностные и групповые воспоминания о миграции, а также специфика коллективной памяти различных миграционных групп; б) изучение коллективных представлений о прошлом мигрантов в контексте политики инкорпорирования и политик памяти принимающих обществ; в) изучение репрезентации исторического опыта миграций и миграционных сообществ в музейной практике [\[9\]](#). Именно эти направления стали предметом нескольких книг [\[10, 11, 12, 13\]](#) и серии статей в исследовательских сборниках [\[1, 2, 3, 14, 15\]](#). В последние годы проблема коллективной памяти мигрантов также активно рассматривается в рамках нового, транскультурного поворота memory studies [\[16, 17, 18\]](#), ориентированного на преодоление методологического национализма и рассматривающего коллективную память не только в рамках определенных культур или сообществ, но и ее динамику за пределами культурных и социальных границ. Миграционные сообщества в таком случае уже оказываются одним из примеров подобной миграции образов памяти [\[9\]](#).

Появление и выход во взрослую жизнь второго поколения мигрантов в странах Запада

ознаменовало собой не только принципиально новый этап в трансформации социального статуса миграционных сообществ, но существенный сдвиг в их самоидентификации, что и отмечает А. Эль-Мафаалани. Отражением этого стало активное развитие проблематики исследований семейной памяти миграционных сообществ, которые выполнялись в основном на материале западных стран. Поскольку глубокий анализ историографии семейной памяти мигрантов не входил в число задач нашего исследования, в данной статье кратко перечислим основные тематические блоки, вокруг которых оказались сгруппированы статьи и книги последнего десятилетия, посвященные интересующей нас теме.

Первая группа работ оказалась связана с изучением особенностей идентичности и памяти у второго поколения мигрантов. Исследователи концентрируются на особенностях восприятия вторым поколением традиций и коммеморативных практик страны исхода в контексте особенностей переезда и опыта миграции первого поколения [19, 20, 21], особенностях культур риска в семейных нарративах [22], использования образов культурной памяти в практиках политического активизма второго поколения мигрантов [23]. Вместе с тем все работы в данной группе представляют собой конкретные кейсы, предметом которых является какая-либо этническая группа, оказавшаяся в конкретных условиях принимающей страны. Исследований, посвященных сравнительному анализу разных случаев или попыток широкого теоретического обобщения трансформации образов семейной памяти и исторического сознания у второго поколения мигрантов нами обнаружено не было.

Вторая группа работ связана с изучением особенностей трансляции семейной памяти мигрантов в контексте различных медиа, где преимущественный акцент был сделан на презентации семейно-исторического опыта на платформе You Tube [24], на роли семейных фотографий [25], а также роли музеев [13, 14].

Третья группа работ посвящена особенностям репрезентации миграционного опыта и памяти о нем в литературе и художественных практиках первого и полуторного поколений мигрантов. Здесь в первую очередь мы обращаем внимание на два сборника статей: «Перемещение, память и путешествие в современной миграционной литературе» [12] и «Дiaspora и память. Фигуры перемещения в современной литературе, искусстве и политике» [15]. Не менее интересной в этой связи представляется осмысление в литературе мигрантов образов дома и памяти о нем [26, 27].

Наконец, четвертая группа работ, затрагивающая вопросы семейной памяти, связана с исследованиями отношения полуторного и второго поколений мигрантов к общеевропейским или североамериканским местам памяти, символам культурной идентичности в западных странах. В первую очередь здесь выделяются исследования отношения европейской молодежи с миграционным прошлым к Холокосту [28, 29, 30].

Глобальные тенденции динамики семейной памяти мигрантов

В данном исследовании мы ориентировались на праксиологический подход к семейной памяти, который делает акцент не столько на знания о прошлом, репрезентированные в историческом опыте семьи, сколько на преемственность практик, характерных для сферы труда, быта и досуга [31]. Именно повседневные практики труда, быта и досуга передаются из поколения в поколение, приобретая характер семейных традиций. Они же в значительной мере становятся предметом семейных нарративов, где исторические

события оказываются своеобразным «фоном» для развертывания динамики семейных воспоминаний. Семейная память в подобном случае оказывается механизмом языкового преобразования практик семейного исторического опыта, поскольку она преобразует исторический опыт в нарратив. Более того, семейная память способствует преобразованию коммуникации в общение, где коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого [\[31\]](#).

На первый взгляд подобный механизм семейной памяти ничем не отличается от семейной памяти мигрантов, где мы также сталкиваемся с межпоколенческим взаимодействием, передачей традиций труда, быта и досуга, образами дома, героизацией старшего поколения и предков, мифологией отдельных вещей и артефактов, играющих важную символическую роль для семейной памяти. Подобные стороны действительно присутствуют в семейной памяти представителей миграционных сообществ, однако они не учитывают колоссального влияния миграционного опыта на пространственно-временные структуры семейной памяти. С какой бы высокой формой интенсивности межпоколенческого обмена мы бы не сталкивались, история семьи с миграционным прошлым делит время семейной памяти на «до» и «после» переезда, где семейная биография далеко не всегда приобретает положительные черты в условиях принимающего общества. Еще сложнее дело обстоит с пространством семейной памяти мигрантов, где традиционная для обычной семейной памяти ситуация связи с малой Родиной (дом предков, родной край, родная страна) сменяется на ситуацию нахождения как минимум в двух пространствах развертывания семейно-исторического опыта (пространство памяти страны исхода и пространство памяти принимающей страны). При этом у разных поколений мигрантов отношение к этим пространствам может быть принципиально различным: от романтизации и идеализации до откровенного неприятия. В особенности речь идет о втором поколении мигрантов, которые родились в принимающей стране, как правило имеют гражданство, хорошо интегрированы и ощущают себя полноценными участниками социальной жизни в принимающей стране.

Анализ зарубежных исследований семейной памяти мигрантов позволил нам выделить несколько ключевых тенденций, особенно заметных в глобальной перспективе. Первой тенденцией является факт взросления полуторного и второго поколений и их выход во взрослую жизнь, что становится все более заметным не только в публичной жизни принимающих обществ, но и в семейных коммеморациях. Наиболее подходящим понятием, которое могло бы описать их взгляд на семейные традиции и коммеморации является понятие «множественных принадлежностей» (multiple belongings) [\[32, 33\]](#), где семейное наследие оказывается одним из источников их идентичности и занимает далеко не первое место. Второй тенденцией является увеличение роли современных медиатехнологий и социальных сетей, все более активно участвующих в процессе конструирования коммемораций страны исхода, а также усиливающих ностальгический эффект семейных воспоминаний (в среде первого поколения) и романтизацию памяти о стране исхода (в среде второго поколения). Без сомнения, именно медиасреда и социальные сети оказываются одним из наиболее значимых факторов развития современного транснационализма, позволяя мигранту ментально «присутствовать» в стране исхода, физически находясь в принимающем обществе. Третьей тенденцией, также связанной с медиасредой, оказывается возрастающая роль Интернет-технологий и социальных сетей для презентации семейной памяти мигрантов, придание публичного характера некоторым ее страницам. В данном случае важно, что Интернет-технологии и социальные сети, по сути, оказываются средствами институционализации коллективной памяти миграционных сообществ, параллельной официальным институтам памяти

принимающего общества (и в том числе музеем миграции в принимающих обществах).

Каким образом проявляют себя данные тенденции в современной российской практике? Постараемся ответить на данный вопрос на основе анализа результатов нашего социологического исследования.

Методология исследования

В качестве базовой теоретико-методологической основы нашего исследования выбран транснациональный подход, который является новым шагом на пути осмысления вопросов интеграции мигрантов, поскольку учитывает, как крайности теорий ассимиляции, так и противоречия мультикультурализма. Его методологическая новизна состоит в переносе внимания на изучение социального поля, создаваемого миграционными сообществами за пределами географических и политических границ. Подобное поле, как показывают исследования [\[34, 35, 36, 37\]](#), является эклектичным синтезом социокультурных практик как принимающего общества, так и стран исхода. «Мигранты становятся трансмигрантами в том случае, когда развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие государственные границы, а их публичные идентичности формируются во взаимодействии с более чем одним национальным государством. В принимающем обществе они не временные жители, потому что поселились и начали инкорпорироваться в экономику и политические институты, локальности и паттерны повседневной жизни страны, где живут в настоящий момент. Однако в то же самое время они сохраняют связи, строят институты, управляют транзакциями и влияют на локальные и национальные события в странах, откуда эмигрировали» [\[38, с.15\]](#).

В современных исследованиях также подчеркивается особая роль семей [\[39\]](#) как важных участников транснационального культурного обмена. «Под транснациональными семьями понимаются такие семьи, члены которых разделены и проживают в разных государствах, зачастую довольно продолжительное время, однако несмотря на это поддерживают контакты и создают чувство семейного единства, общности и эмоциональной сопричастности» [\[38, с.20\]](#). Представляется, что данное определение транснациональной семьи достаточно хорошо подходит и для российского случая, где старшие родственники мигрантов по-прежнему проживают в странах исхода, тогда как их дети и внуки живут в России.

Весной 2022 года авторами статьи проведено социологическое исследование, охватившее несколько поколений мигрантов в пяти субъектах Российской Федерации (Липецкая, Саратовская, Свердловская и Кемеровская области, а также Республика Татарстан). Цель исследования – изучение особенностей трансляции знаний о семейном прошлом, интерпретации событий семейного прошлого в контексте нарративов представителей разных поколений мигрантов внутри одной семьи, а также сравнительный анализ актуальных практик и каналов трансляции семейной памяти у разных поколений мигрантов. Реализация данной цели и задач исследования потребовала обращения к комбинации количественных (анкетирование) и качественных (интервьюирование) методов.

В предлагаемой статье представлены результаты очного анкетирования 900 мигрантов, постоянно проживающих на территории обозначенных регионов. Для анкетирования применялась квотная выборка. (многоступенчатая). Квотами выступили пол и возраст

респондента, а также принадлежность к разным поколениям мигрантов. Анализ результатов проведен с помощью частотного распределения ответов и составления таблиц сопряженности (поколенческий анализ).

Поскольку нас интересовали в первую очередь межпоколенческие отношения, мы обратились к представителям нескольких групп: а) первое поколение или поколение «1» (приехал из родной страны в возрасте старше 18 лет); б) полуторное поколение, куда вошли поколение «1,25» (приехал в возрасте 13-17 лет), поколение «1,5» (приехал в возрасте 6-12 лет) и поколение «1,75» (приехал в дошкольном возрасте); в) второе поколение или поколение «2» (родился в России).

Нами также были проинтервьюированы 175 человек (69 семей), имеющих миграционное прошлое. Начальной целью исследования было интервьюирование как двухпоколенных, так и трехпоколенных семей. Однако в дальнейшем от этой идеи пришлось отказаться в силу особенностей миграционных сообществ в указанных регионах, старшие поколения которых продолжают проживать в странах исхода (Центральная Азия и Закавказье). Рассказ об истории семьи в силу высокого уровня сплоченности ее членов, как правило, является своеобразной семейной биографией, пересказываемой из перспективы автобиографической памяти рассказчика [\[40\]](#). Подобное обстоятельство открыло перед нами возможность использовать методологию биографического интервью, где особую роль продолжают играть теоретические идеи Фритца Шютце (6 шагов) [\[41, 42\]](#). В нашем случае важно, что биографический рассказ, записываемый интервьюером, по мысли Ф. Шютце, необходимо рассматривать как целостное единство. Внутренним механизмом, обеспечивающим данное единство, является сама смысловая структура биографии. Условием достижения данной целостности является особая техника проведения интервью, когда после первого и основного вопроса рассказ не прерывается, пока сам рассказчик не завершит его. Это позволяет рассказчику самому построить сюжет и по ходу рассказа свободно изменять его. Только после того, как рассказчик обозначает невозможность продолжать рассказ (кода), интервьюер вправе задать ему несколько уточняющих вопросов (фаза нарративных вопросов) [\[41, s.80\]](#).

Нам уже приходилось писать о том, что для Ф. Шютце история жизни – это секвенционально упорядоченное наслоение больших и малых секвенционально же упорядоченных процессуальных структур. Соответственно со сменой доминантных процессуальных структур с течением времени изменяется общее толкование истории жизни носителем биографии. Важнейшая цель методологии Ф. Шютце – это соотнесение истории жизни информанта с его субъективными интерпретациями. Это достигается через сопоставление таких процессуальных структур как интенциональные процессы (жизненные цели носителя биографии, предпринятые им действия в процессе преодоления сложных жизненных ситуаций), институциональные образцы (предписанные правила поведения со стороны семьи, образовательной системы, профессионального круга) и кривые течения (динамика идентичности в целом) [\[31\]](#). Комментируя идеи Ф. Шютце, Е.Ю. Рождественская отмечает, что кривые течения в биографическом анализе Ф. Шютце могут иметь положительное (восходящие в прогрессии, путем установления новых социальных позиций открывают новые пространственные возможности для действий и развития личности носителя биографии) и отрицательное (нисходящие в прогрессии, они ограничивают пространство возможных действий и развития носителя биографии в ходе особого наслоения условий действий, которые не могут контролироваться самим носителем биографии) значение. Он подчеркивает, что «идентичность биографанта не совпадает по ритму с процессуальными структурами течения жизни, поскольку поиск, придание смысла биографии становятся возможными

по мере смены жизненных позиций, отодвигания в прошлое ситуаций, формирования к ним временной дистанции» [42, с.114]. Таким образом, в ситуации биографии «рассказывающее» Я представляет свое прошлое, то есть «рассказанное» Я, выступая в качестве вспомненного носителя действий.

Завершая методологический блок, кратко обозначим особенности социологического портрета наших респондентов. В рамках целей нашего исследования в анкете был сделан акцент на возрастные и образовательные особенности респондентов, а также длительность проживания в регионах исследования. Выборка нашего исследования, опирающаяся на данные Росстата по соответствующим регионам, учитывала особенности миграционной ситуации в современной России, где ключевую роль играет трудовая миграция из стран Закавказья и Центральной Азии. Соответственно 60,2% наших респондентов оказались мужчинами, а в возрастном отношении доминировали представители среднего и старшего возрастов. В совокупности доля респондентов старше 40 лет составила 45,6%, а респонденты в возрастной группе 30-39 лет – 27,4%. Также вполне ожидаемым в контексте исследований отечественных социологов миграции [5, 6, 7] было увидеть абсолютное доминирование представителей первого поколения, приехавшими в Россию в возрасте старше 18 лет (64,5%). На долю полуторного поколения пришлось около 25%, в то время как доля представителей второго поколения едва превысила 10%. Вопрос о длительности проживания на территории города и области выявил, что более 40% наших респондентов прожили либо более 21 года, либо 11 – 20 лет, что само по себе указывает на наличие значительного опыта взаимодействия с культурными практиками принимающего общества в России. Показательно, что различия между группами, проживающими в России 1-2 года, 3-5 лет, 6-10 лет, а также теми кто родился в России не превышали нескольких процентов и в среднем составляли 10-12% ответивших на группу. Чуть более половины (53,3%) наших респондентов придерживаются исламского вероисповедания, а 32,2% заявили о своей приверженности христианству. Наконец, взгляд на выборочную совокупность с точки зрения уровня образования, как мы и ожидали, показал значительную долю лиц (49,5%) со средним полным и профессиональным образованием (колледж, ПТУ). Относительно неожиданным для нас было увидеть, что 40,7% опрошенных заявили о наличии у них высшего образования. Данный факт учитывался нами, поскольку наличие высшего образования является не менее важным интеграционным фактором, чем знание языка принимающего общества.

Культура принимающего общества в семейной памяти мигрантов

Всякий, кто обращается к миграционной проблематике, не может не учитывать фактор культуры принимающего общества, которая вне зависимости от направленности интеграционной политики, всегда является своеобразным фоном, на котором «развертываются» структуры коллективной и автобиографической памяти мигрантов. В этой связи несколько вопросов нашего исследования посвящены теме причин переезда и взаимоотношения мигрантов с культурными практиками и институтами культурной памяти принимающего общества в России.

Первый вопрос, на который мы просили ответить наших респондентов, посвящен выявлению причин переезда именно в тот город и ту область Российской Федерации, в которых на момент исследования проживал респондент и его семья. Как мы и ожидали, чуть более половины респондентов из всех пяти изученных городов указали на факт проживания в городе родственников и земляков (50,8%). Это полностью подтвердило выводы предыдущих исследований [6, 7, 31], которые уже неоднократно отмечали

ключевое значение земляческого фактора в качестве вектора направленности миграционных потоков в Россию.

Следующая группа вопросов связана с изучением открытости внешних мигрантов к повседневным культурным практикам, языку и традициям принимающего общества. В этой связи ответы на вопрос о том, что из российской культуры наши респонденты готовы перенять выявили, на первый взгляд, достаточно положительную тенденцию (см. рис. 1).

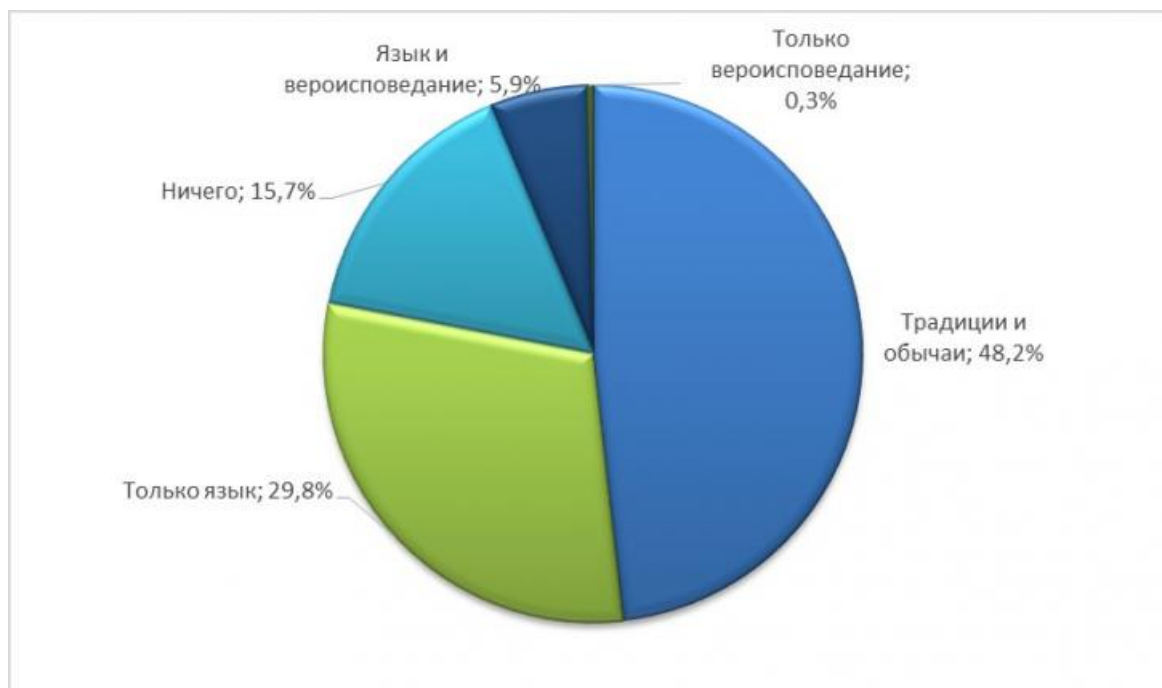


Рисунок 1. Готовы перенять из российской культуры в повседневную жизнь своей семьи

С одной стороны почти половина респондентов отметили традиции и обычаи принимающего общества (48,2%), что явно указывает на значительную открытость культурным практикам принимающего общества. С другой стороны, почти треть опрошенных готова перенимать только язык (29,8%), а 15,7% опрошенных заявили, что они вообще не готовы что либо перенимать. При этом наиболее открытыми российским традициям и обычаям оказались представители первого поколения и в особенности лица в возрастной группе старше 60 лет, что на наш взгляд, является явным отголоском их жизни в СССР. Показательно, что у молодежи существенные различия между вариантами ответов снижаются. Например, в возрастной группе 18-24 года и среди представителей второго поколения ответы, указывающие на традиции и обычаи, язык или на отсутствие потребности заимствований оказались равномерно распределены. На наш взгляд, подобная равномерность распределения фундирована тем, что второе поколение, родившееся в России, зачастую не выделяет себя из окружающего общества, что характерно не только для российской специфики, но и, например, для реалий иных миграционных обществ, например в ФРГ [\[8\]](#). Вследствие важной роли использования русского языка в повседневных практиках, было ожидаемо увидеть достаточно открытое отношение к языку в сознании респондентов: 34,2% заявили, что намерено использовать его, 32,9% отметили, что русский язык для них родной, а 26,4% используют русские слова, когда не находят эквивалентов в родном. Также было ожидаемо увидеть, что роль и значение русского языка растут по мере увеличения длительности проживания, а позиция «русский – мой родной язык» оказалась доминирующей в ответах у второго поколения.

Вместе с тем вопрос об отношении к языку вряд ли может репрезентировать в полной мере отношение к культурным практикам принимающего общества. В этой связи респондентам был задан вопрос об отношении к праздникам принимающего общества. Распределение ответов на вопрос показало противоречивую картину (см. рис. 2)

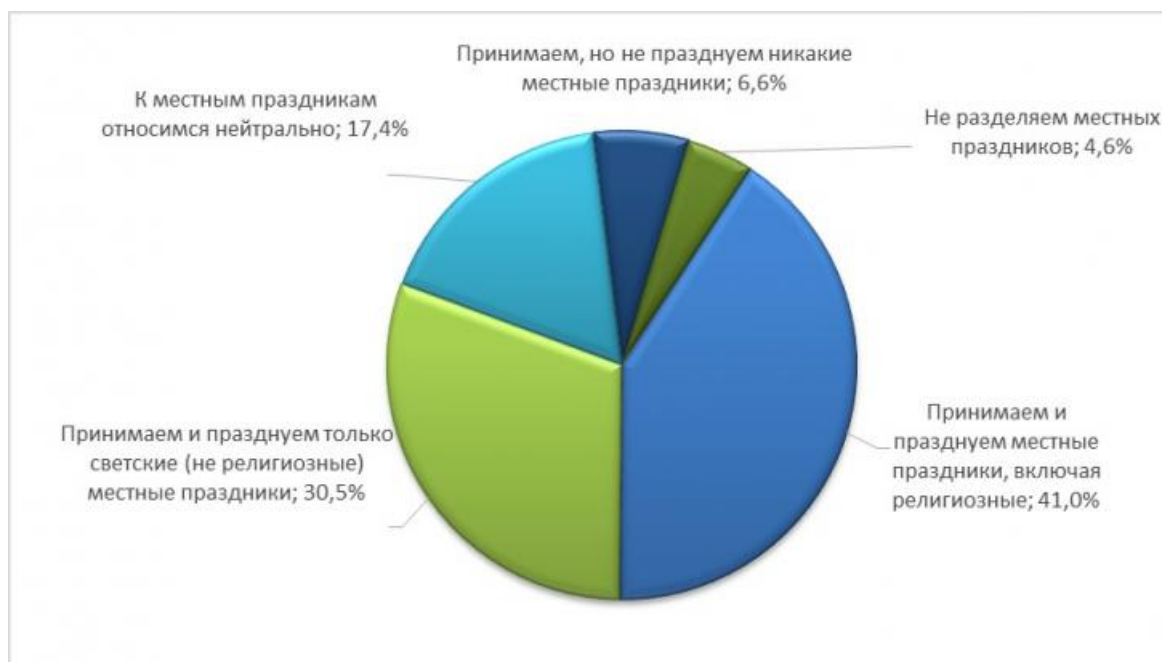


Рисунок 2. Отношение к местным праздникам

С одной стороны, 41% опрошенных заявили о том, что они принимают и празднуют местные праздники, включая религиозные, что указывает на достаточно высокий потенциал открытости по отношению к культурным практикам принимающего общества. Вместе с тем остальные категории ответов, в сумме составляющие 59% характеризовали либо в лучшем случае нейтральную и осторожную позицию, либо указывали на непринятие внешними мигрантами российской праздничной культуры. В частности, треть опрошенных нами респондентов (30,5%) заявили, что готовы принимать и праздновать только светские праздники современного российского общества. Еще 17,4% отметили, что относятся к любым российским праздникам нейтрально. Близкой, к этой точке зрения можно назвать и 6,5% опрошенных, указавших, что они принимают, но не празднуют местные праздники. Наконец, 4,6% опрошенных категорически заявили, что вообще не празднуют местные праздники. Если посмотреть на распределение ответов по данному вопросу в возрастной и поколенческой перспективе, то наиболее положительное отношение как к светским, так и к религиозным праздникам принимающего общества выявлено у возрастных групп старше 50 лет, в то время как доля относящихся нейтрально или не принимающих российские праздники последовательно росла по мере движения от возрастной группы 18-24 года к группе 40-49 лет. При этом наиболее осторожное, нейтральное или негативное отношение показали ответы возрастных групп 25-29 лет и 30-39 лет, что на наш взгляд связано с наличием тесных контактов со страной исхода, стремлением вернуться на малую Родину, о чем часто упоминали информанты в собранных интервью. Не менее важным фактором в данном случае может считаться и отчетливо антииммигрантский дискурс российской публичной сферы [5]. Сходную картину мы увидели, когда ответы были проанализированы в зависимости от поколенческих особенностей, где наиболее открытыми ко всем видам праздников оказались первое и второе поколение. В случае первого поколения данный факт объясняется влиянием советского опыта, а в случае второго – тем, что его представители родились в России и в меньшей степени склонны выделять себя из

принимающего общества, чем их старшие современники. Как и ожидалось, в сравнении с ними, представители полуторного поколения (особенно поколение «1,25») в большей мере указали на негативную и в лучшем случае нейтральную позицию по отношению к российской праздничной культуре, что, на наш взгляд, объясняется в первую очередь трудностями социализации приехавших в Россию в младшем и среднем школьном возрасте.

Одним из маркеров идентичности и принадлежности к принимающему обществу традиционно считается определенная степень открытости по отношению к его истории, что выражается не столько в исторических знаниях о принимающей стране, сколько в осознании влияния исторических событий на собственную биографию и историю семьи. В российских условиях указанный факт приобретает особое значение в силу доминирования старшего и среднего поколений мигрантов. Нашим респондентам был задан вопрос о тех событиях недавнего прошлого, которые, по их мнению, наибольшим образом оказали влияние на жизнь их семьи (респонденты могли выбрать до трех событий). Сразу отметим, что практически треть опрошенных (31,4%) заявили, что они не застали кризисов в России, поскольку переехали позже указанных событий. Наиболее популярными среди остальных ответов оказались события распада СССР (27,6%), экономический кризис 2008-2009 гг. (25,2%), а также валютный кризис в России 2014-2015 гг. (24,8%). Показательно, что и четвертая по значимости позиция была связана с экономическими проблемами – респонденты указали на «черный четверг» и дефолт 1998 года (9%). Подобное распределение ответов было характерно для всех трех поколений, ставших объектами нашего анализа. Совершенно понятно, что наших респондентов волновали именно экономические события в силу доминирования экономических целей переезда в Россию. При этом, как мы и предполагали, вариант ответа о распаде СССР оказался наиболее популярным в возрастной группе старше 60 лет.

Переезд является особым фактом как автобиографической, так и семейной памяти мигранта, поскольку разрывает его жизнь на «до» и «после». При этом осмысление самой ситуации переезда во многом происходит постфактум, вследствие последующего удачного или неудачного опыта интеграции. Соответственно вопрос об эмоциональном отношении к переезду позволяет нам с еще одной стороны проанализировать особенности взаимодействия мигранта и его семьи, в том числе и с культурными практиками принимающего общества в России. В этой связи нашим респондентам был задан вопрос о том с какими эмоциями, чувствами в их семье вспоминают переезд в Россию (см. рис. 3).

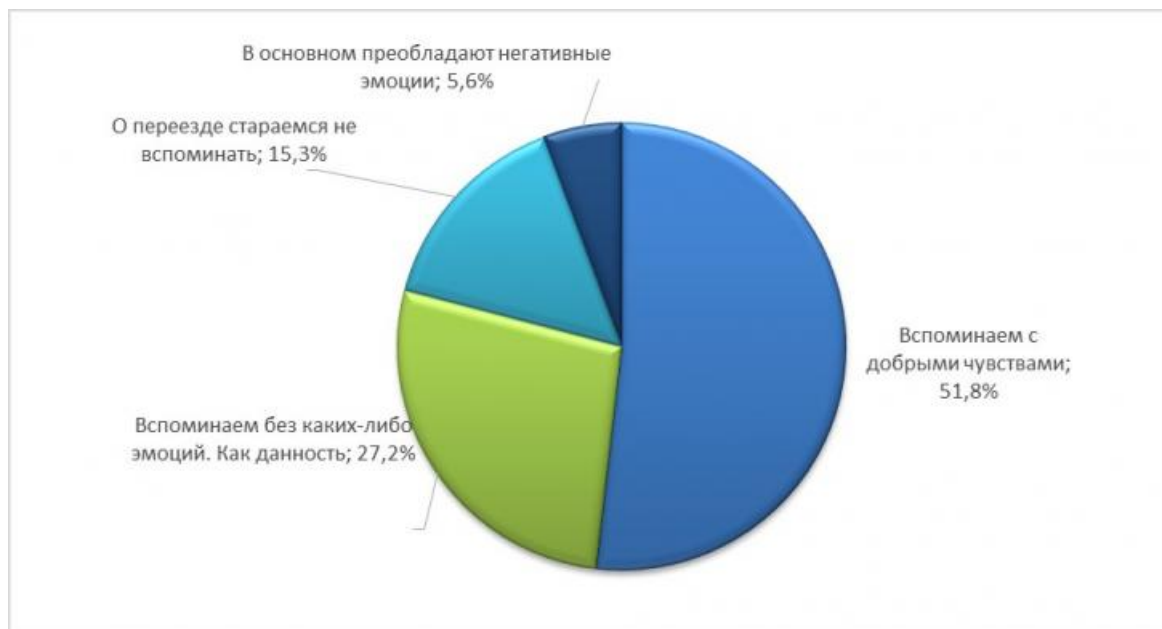


Рисунок 3. Чувства, эмоции, возникающие при воспоминаниях
о переезде в Россию

В ответе на данный вопрос 51,8% опрошенных указали на то, что они вспоминают переезд с добрыми чувствами и только 5,6% выразили негативные эмоции и стремятся не вспоминать о переезде (15,3%). Примечательно, что чуть больше четверти опрошенных (27,2%) заявили о нейтральном статусе воспоминаний о переезде и исключили какие-либо эмоции. Оценивать данные цифры важно с учетом того, что значительная часть наших респондентов – представители первого поколения, приехавшие в Россию с целью трудовой деятельности в условиях крайне нестабильной экономической ситуации в их стране исхода. Более того, данный вопрос практически не позволял выявить особенности памяти о переезде у молодежи и у второго поколения мигрантов. Именно поэтому ответы на данный вопрос были дополнены результатами интервьюирования. Использование методологии Ф. Шютце позволило нам проанализировать интервью на предмет восходящих и нисходящих кривых течений семейной биографии, которые разворачивались в рамках рассказов. Анализ интервью двухпоколенных семей в пяти избранных регионах выявил абсолютное доминирование восходящих кривых в нарративах семейной памяти. Это означает, что переезд и адаптация к новым условиям принимающего общества оказывались положительной вехой в динамике семейной памяти. Другими словами, интерпретационные усилия информантов в рамках их нарративов о семейной истории в целом совпадали с биографическими процессами рассказчиков и их старших родственников. Ключевым событием для абсолютного большинства семей оказывался переезд в Россию. Интенциональные процессы семьи как субъекта коммемораций явно указывали на возможность преодоления институциональных ограничений, что и позволило нам интерпретировать семейные биографии как восходящий процесс. Также подтвержден сделанный ранее на материале Липецкой области вывод о том, что в случае представителей первого поколения значимым фактором оказывалась ностальгия по стране исхода, которая приобретала черты как общей ностальгии по СССР, так и ностальгии по образу жизни в целом. *«Переезд в другую страну дался нам очень тяжело <...> не в плане документов, а в плане смены общества целиком и полностью. Азиатская страна, она более уважительно относится к взрослому поколению, поколению дедушек и бабушек. Все, что с этим связано здесь в России очень видно <...> например, в автобусе*

молодые люди ни в коем разе не проявляют уважением к беременным и пожилым людям» (Дмитрий, 42 года). Следует заметить, что и в рамках поколения «1,5» нами обнаружены ностальгические воспоминания. Однако в сравнении с первым поколением в данном случае ностальгия относилась не к стране исхода, а к отдельным вещам, практикам или традициям, передаваемых в семьях из поколения в поколение.

Еще одним вопросом анкеты, позволяющим выявить особенности памяти о переезде, а также степень интегрированности в культурные практики принимающего общества был вопрос, предлагающий оценить различия их образа жизни в стране исхода и в принимающем обществе. Как и в предыдущем вопросе, нас в первую очередь интересовали первое и полуторное поколение, сохранявшие в своей памяти более или менее целостное представление о жизни до переезда. Обработка ответов по всем пяти регионам не выявила существенных изменений в образе жизни внешних мигрантов в России (см. рис. 4).

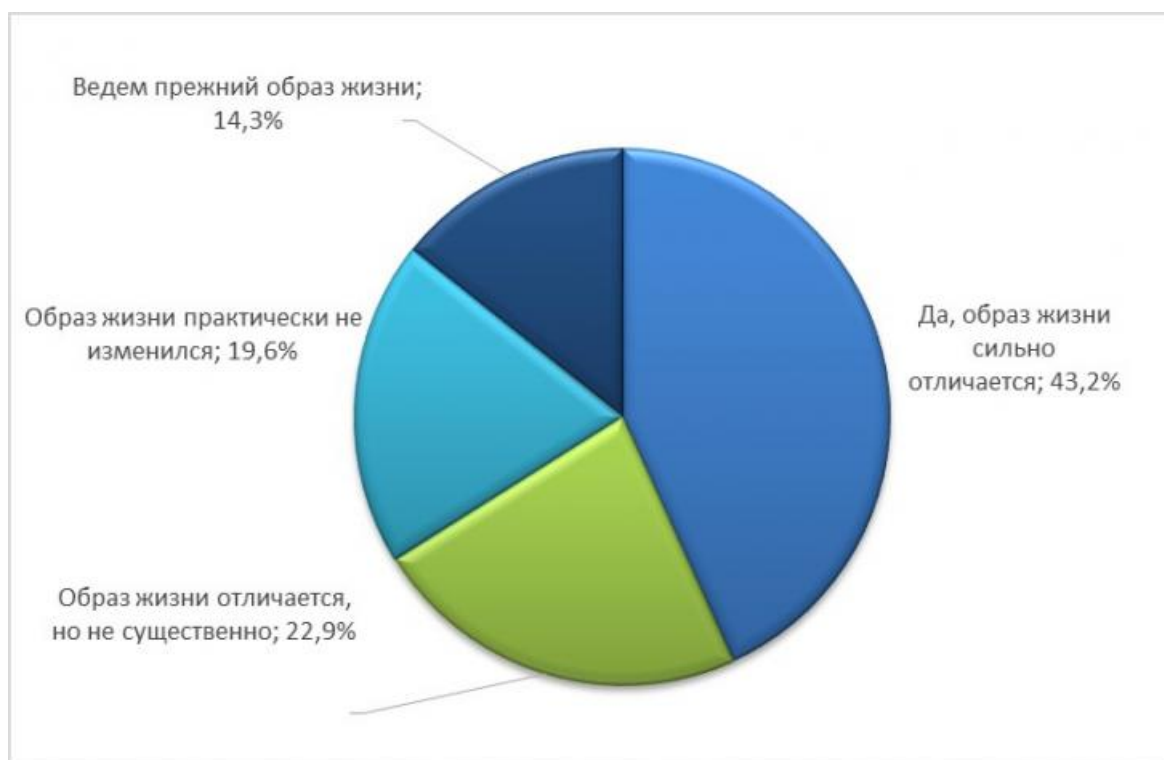


Рисунок 4. Изменения в образе жизни, по сравнению с родной страной

В частности, только 43,2% опрошенных указали на то, что образ жизни существенно изменился. Остальные опрошенные заявили, что их образ жизни в России существенно не отличается (22,9%), или что их образ жизни практически не изменился (19,6%), или что они ведут прежний образ жизни (14,3%). Подобное распределение ответов с одной стороны подтвердило отсутствие жесткого разрыва автобиографического опыта респондентов в ходе их переезда, а с другой стороны явно указывало на преждевременность однозначного тезиса об открытости мигрантов культурным практикам принимающего общества. Наоборот, ответы свидетельствуют о стремлении мигрантов сохранять и воспроизводить культурные практики страны исхода, используя любые возможности: семейная память, землячества, религиозные праздники и традиции. Данная тенденция выявлена и в интервью, где и в первом и в полуторном поколении мы столкнулись с противопоставлением семейных традиций принимаемому обществу, что постоянно маркировалось в интервью в конструкциях «мы – они», «у нас – у вас», «наши традиции – ваши традиции». Так, рассказывая о своей семейной памяти и истории семьи, один из информантов отмечал: «Мы бы и были рады принять все ваши традиции и

праздники, но вера крепче у нас – в Армении. И праздники поэтому совсем другие, яркие. Как мы можем брать у вас традиции, если они вам самим не нужны?» (Левон, 46 лет). Интервью представителей второго поколения гораздо меньше указывают на данную тенденцию, что на наш взгляд связано с их самоидентификацией в качестве граждан России. Данный момент уже неоднократно фиксировался исследователями второго поколения в разных странах мира [19, 20, 21] является абсолютно объяснимым, когда принимающая страна оказывается для второго поколения мигрантов малой Родиной. Нами также был подтвержден высказанный ранее тезис, что все поколения продемонстрировали тенденцию к совмещению праздников страны исхода и принимающего общества. Однако если первое поколение активно заявляет о своей приверженности религиозным праздникам страны исхода и светским – принимающей страны, то в случае полуторного и второго поколения зафиксирована неразличимость светских и религиозных праздников, а также высокий уровень участия в светских праздниках России [31]. Наиболее ярко это было выражено в интервью Амиля – студента одного из ВУЗов г. Липецка: *«Я – азербайджанец и у меня традиционное воспитание, присущее именно моему народу, но более демократическое. Мы идем со временем. Моя семья достаточно верующая, но сам я не являюсь таким <...> Мы все читали Коран, но мы не фанатики, мы более современные»* (Амиль, 19 лет).

Особенности трансляции семейной памяти мигрантов в межпоколенческой перспективе

Семейная память – это всегда трансляция семейного исторического опыта между поколениями. Не исключением здесь является и миграционная среда, где на межпоколенческие отношения начинает влиять фактор разной степени интеграции первого, полуторного и второго поколения в культурные практики принимающего общества. В этой связи традиционные для трансляции семейной памяти вопросы отношения к семейным традициям, реликвиям, а также к общим ценностям семейного прошлого способны приобретать конфликтогенное измерение, где на известный «конфликт отцов и детей» накладывается еще и особенности миграционной ситуации.

Нашим респондентам был задан вопрос о том какие традиции страны исхода они соблюдают. В целом, как мы и ожидали, число лиц, откровенно заявивших о том, что они не соблюдают традиции и обычаи страны исхода оказалось значительно меньше (16,1%) тех, кто продолжает в том или ином виде воспроизводить культурные практики страны исхода. Вместе с тем оставшиеся ответы показали противоречивую картину, свидетельствующую о нарастании процессов фрагментации в обращении к историческому опыту страны исхода (см. рис.5).

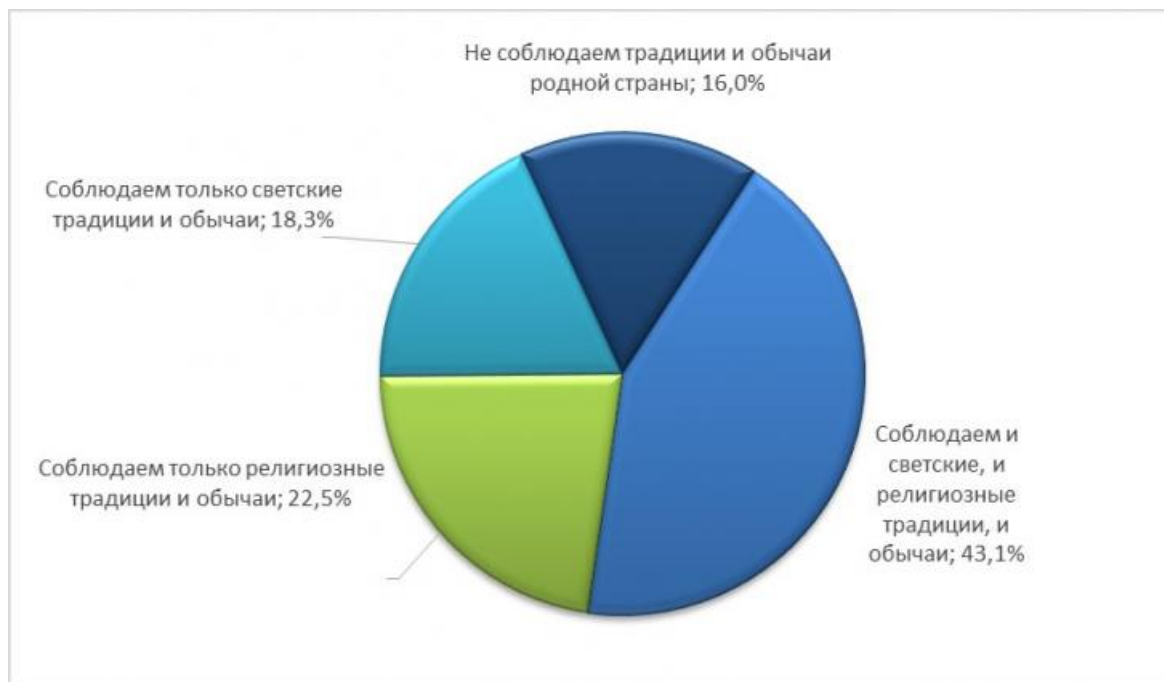


Рисунок 5. Семейное соблюдение традиций и обычаев

страны исхода

С одной стороны, 43,1% заявили, что соблюдают и светские и религиозные обычаи. С другой стороны, доля тех, кто соблюдают либо только религиозные (22,5%), либо только светские (18,3%) традиции оказалась достаточно значительной. Оценивая данные результаты исходя из поколенческой перспективы, мы не увидели какой-либо ярковыраженной тенденции. Число лиц, соблюдающих и светские и религиозные традиции в первом и втором поколениях в три раза превосходит число тех, кто традиции страны исхода вообще не соблюдает. Представители полуторного поколения (поколение «1,25», «1,5», «1,75») показали в данном случае разнонаправленные тенденции. Вместе с тем было ожидаемо увидеть, противоположную картину в ответах первого и второго поколений в отношении религиозных традиций и праздников. У представителей первого поколения число приверженцев религиозных традиций в два раза превосходило число сторонников светских, в то время как второе поколение продемонстрировало противоположную ситуацию.

Следующий вопрос акцентировал внимание на эмоциональной стороне воспоминаний о стране исхода. Нас в первую очередь интересовала направленность воспоминаний о жизни до переезда (положительные, нейтральные, отрицательные). Вопрос был ориентирован на первое и полуторное поколения, хотя представители второго поколения также могли на него ответить. Ответы на вопрос (см. рис. 6) выявили достаточно предсказуемую картину доминирования положительного образа страны исхода и памяти о ней.

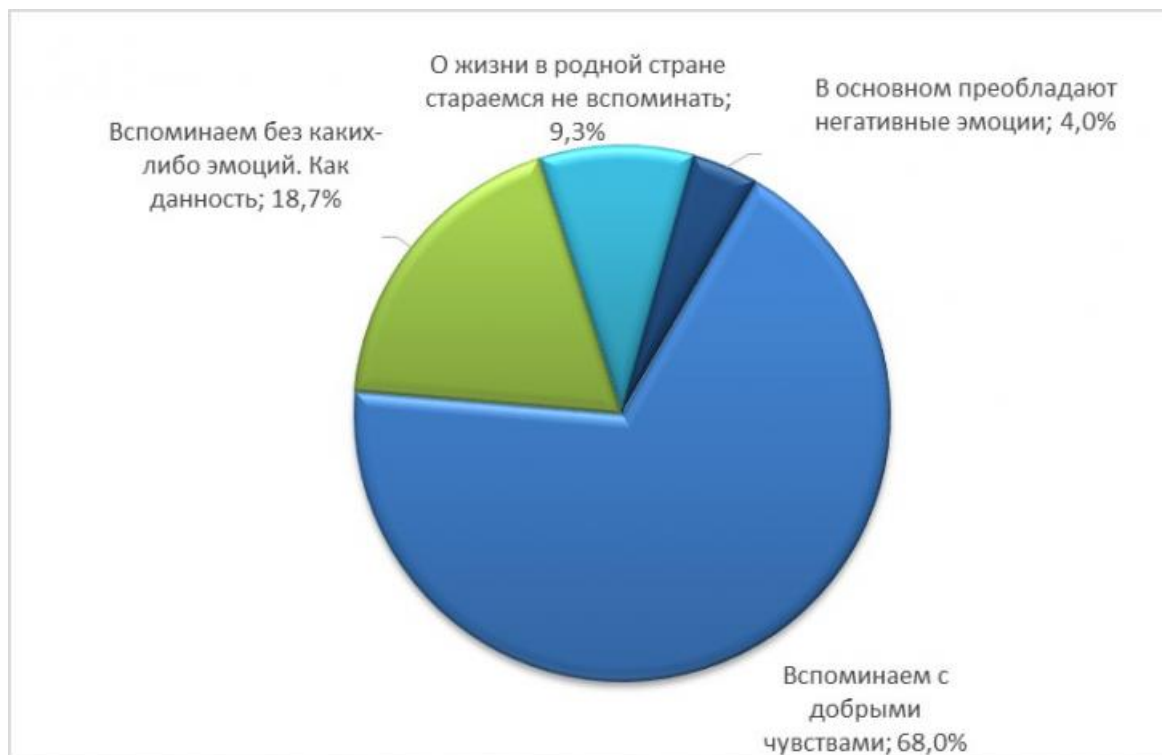


Рисунок 6. Воспоминания о жизни в стране исхода

Показательно, что 68% опрошенных указали на данный вариант ответа и только 4% опрошенных заявили о крайне негативных чувствах. Вместе с тем, почти пятая часть респондентов (18,7%) отметили, что вспоминают жизнь в стране исхода без каких-либо эмоций и только каждый десятый опрошенный (9,3%) вообще стремится не вспоминать свое прошлое до эмиграции. Обращает на себя внимание факт, что доля тех, кто старается не вспомнить о жизни в стране исхода оказалась в два раза выше среди представителей полуторного поколения в сравнении с первым поколением. Это можно объяснить либо стремлением молодежи лучше интегрироваться в принимающее общество, либо обычным недостатком воспоминаний.

Несмотря на то, что представители второго поколения не имели собственных воспоминаний о жизни в стране исхода, анализ их интервью выявил несколько наиболее типичных эмоциональных образов памяти о стране исхода. Первый эмоциональный образ, выявленный в рассказах молодежи с миграционными корнями, можно было бы назвать однозначно положительным. Однако из интервью видно, что данный положительный образ является своеобразной романтизацией страны исхода, навеянной рассказами в семье. Вторым эмоциональным образом, наиболее часто встречающимся нам в интервью стал образ страны исхода как территории, на которой все еще живут бабушки и дедушки и государства, из которого семья информанта переехала в Россию. Данный образ в большей степени можно было бы назвать нейтральным. Любопытно отметить, что факт посещения (и даже неоднократного посещения) не оказывает влияния на формирование положительных чувств молодежи, которая воспринимает страну исхода скорее в качестве интересного объекта для туристической поездки. В этом российская молодежь с миграционными корнями оказалась достаточно похожа на их современников в Евросоюзе, где исследователи также отмечали сходную тенденцию [\[21. p.94\]](#). Наконец, несколько интервью выявили наличие откровенного равнодушия и отсутствия, которое высказывали наши респонденты, в то время как Россия в их представлениях являлась для них полноценной Родиной. В данном случае отсутствие всякой эмоциональной привязанности в большинстве случаев было связано с

отсутствием дружеских связей в стране исхода, а также нежеланием погружаться в культурные практики страны исхода. Подобную ситуацию мы обнаружили в двух интервью. Типичной для них оказалась эмоциональная позиция Арарата: «А родился я сам уже в Чаплыгине. Так что в Армении я ни разу не был, как мои старшая и младшая сестры. Родились и выросли мы в России. Учились также в чаплыгинской школе. Теперь вот живем в Липецке, 1 курс заканчиваем <...> на Родине моих предков ни разу не был. И потребности поехать нет, в частности, мне – не интересно. Мне отец многое рассказывает, что там и как. То есть я некое представление имею. Как там дела обстоят. Тяготы поехать нет. Меня туда ничего не тянет. Там у меня прабабушка и прадедушка живут и еще некоторое количество родственников, но, как то не хочется пока туда ехать» (Арарат, 18 лет).

Респондентам было задано несколько вопросов, призванных охарактеризовать особенности их отношения к материальной стороне трансляции семейной памяти, и в первую очередь к семейным реликвиям и фотографиям (см. рис. 7).

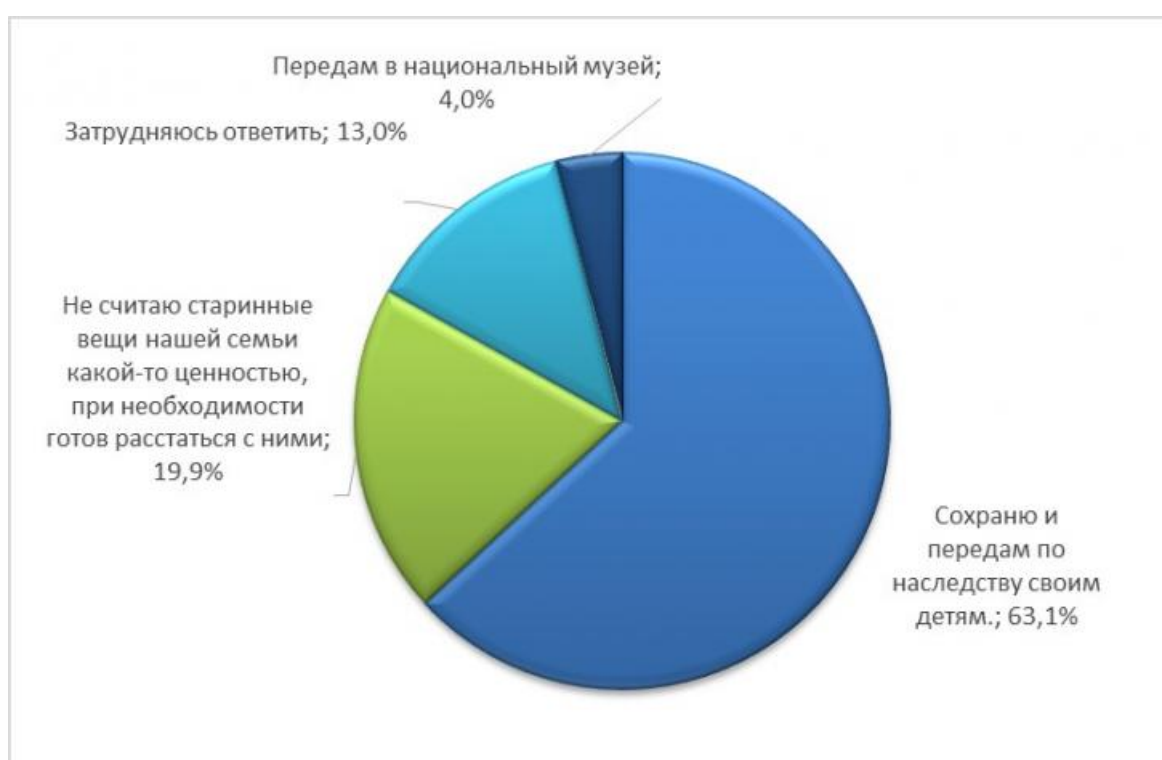


Рисунок 7. Отношение к реликвиям семьи

Вопрос об отношении к семейным реликвиям на первый взгляд выявил достаточно предсказуемую тенденцию, когда 63,1% опрошенных заявили, что сохранят и передадут по наследству семейные реликвии своим детям. Только 4% при этом указали, что готовы передать семейные реликвии в национальный музей. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на распределение ответов в других категориях, где 19,9% опрошенных вообще не считают семейные реликвии какой-то ценностью и готовы расстаться с ними, а 13% затруднились с ответом. Детализация ответов с точки зрения поколенческой перспективы выявила, что наибольший процент затруднившихся ответить и тех, кто не считает семейные реликвии ценностью показали полуторное и второе поколения. Среди них же был выявлен минимальный процент избравших ответ о возможности передачи семейных реликвий в национальный музей.

Трудно переоценить значение фотографий как носителей семейной памяти. В этой связи участникам нашего исследования был задан вопрос о частоте просмотра семейных

фотографий, а также вопрос об особенностях их хранения. Было выявлено, что только 39,3% достаточно часто просматривают семейные фотографии. Еще треть опрошенных обращаются к фотографиям во время семейных праздников (30,2%), а почти четверть опрошенных смотрят их крайне редко (24,6%). Наконец, 5,9% заявили, что у их семьи вообще не осталось семейных фотографий. Как и в ответах на предыдущий вопрос, выявлено, что наиболее часто просматривают семейные фотографии представители первого поколения, в то время как уже полуторное поколение продемонстрировало доминирование ответов, указывающих на редкость обращения к семейному фотоархиву. В тоже время по мере движения от поколения «1,75» к поколению «2» начинал доминировать ответ, связанный с просмотром семейных фото только во время праздников. Статус фотографий как носителя семейной памяти репрезентируется в особенностях их хранения, что является косвенной формой отношения к ним. Вместе с тем ответы на вопрос о хранении семейных фотографий не могли не испытывать влияния процессов цифровизации, что характерно не только для семейной памяти мигрантов, но и для любой другой семейной памяти сегодня. В целом 40,9% опрошенных продолжают вести печатные альбомы, 33,7% хранят фотографии в телефоне, а 25,4% отметили, что не печатают фотографии, а хранят их на специальных цифровых носителях. Мы также ожидали увидеть в данном вопросе влияние возраста на наиболее предпочтительный способ хранения семейных фотографий и не ошиблись. Так, если у среднего и старшего поколений было выявлено преобладание хранения фотографий в печатном виде, то в возрастных группах 18-24 и 25-29 лет мы выявили определенное равенство возможностей хранить семейные фотографии на печатных и цифровых носителях. Соответственно по мере движения от первого поколения ко второму мы также увидели плавное возрастание роли цифровых носителей и уход от необходимости печатать фотографии.

В завершении респондентам был задан вопрос об их интересе к истории семьи. Данный вопрос позволил нам глубже выявить поколенческие и возрастные особенности исторического сознания наших респондентов, поскольку показывает актуальный статус семейного прошлого для них. Общая картина ответов выглядела достаточно положительно для семейной памяти мигрантов, когда 66,9% опрошенных заявили, что всегда слушают с интересом данные рассказы (см. рис. 8). Соответственно 10,2% опрошенных указали, что слушают с неохотой, боясь обидеть старшее поколение, в то время как только 6,8% прямо заявили, что не слушают истории вообще из-за полного отсутствия интереса к ним. К этому надо добавить, что 16,1% опрошенных затруднились с ответом. Однако, как и в случае предыдущих ответов, более внимательный взгляд на результаты исследования в свете возрастных и поколенческих особенностей снова указал на вполне ожидаемую тенденцию – общее снижение интереса к семейной истории по мере движения от старшего поколения к их младшим современникам.

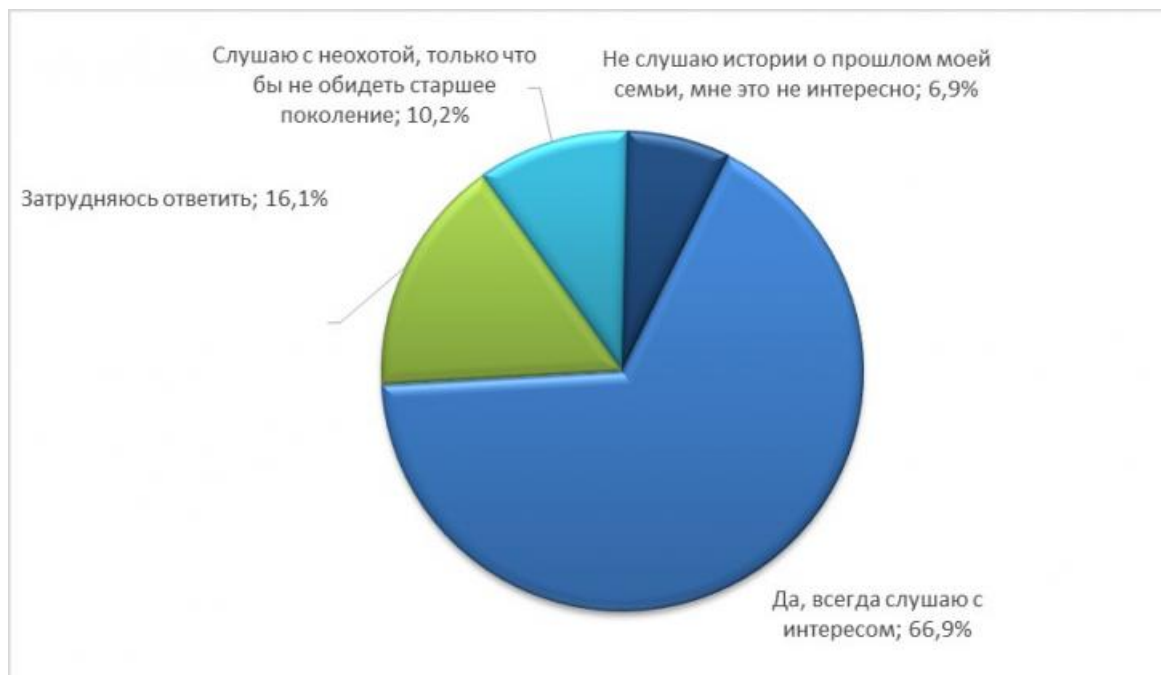


Рисунок 8. Интерес к историям старшего поколения

Причем начало снижения данного интереса зафиксировано нами уже в возрастной группе 40-49 лет, что выразилось в практически равном количестве указавших на интерес к семейной истории и указавших на отсутствие такого. Показательно, что в возрастных группах 25-29 и 30-39 лет мы также обнаружили значительное число лиц, не интересовавшихся семейной историей или затруднившихся с ответом. При этом в возрастной группе 18-24 года доля тех, кому семейные истории интересны в два раза превосходит тех, кому семейная история не интересна ни в каком качестве. На наш взгляд, это связано с зависимостью данной возрастной группы от старших поколений, а также незавершенным характером их жизненных ценностей и мировоззренческих ориентиров. Сравнительный анализ в межпоколенческом аспекте выявил однозначное снижение интереса к семейной истории среди представителей полуторного поколения. Процент затруднившихся с ответом или высказавших мнение об отсутствии интереса к семейной истории здесь почти в два раза превосходил число интересующихся прошлым семьи. Наиболее открытым семейной истории, как мы и ожидали, оказалось первое поколение мигрантов, где число интересующихся семейной историей почти в два с половиной раза превосходило число всех затруднившихся с ответами или не имевших интереса к рассказам старшего поколения. Второе поколение с одной стороны также продемонстрировало высокий процент интересующихся историей, а с другой стороны выявило значительное число тех, кому семейная история также не интересна.

Наш анализ особенностей трансляции семейной памяти в межпоколенческой перспективе был бы не полным без обращения к результатам сравнительного анализа интервью трех поколений мигрантов. Данный сравнительный анализ позволил нам выявить не только специфику различного отношения к традициям страны исхода в разных поколенческих группах, но и выявить потенциальные типы конфликтов между поколениями при передаче семейного наследия. Интервью представителей первого поколения позволили подтвердить выявленные ранее тенденции: отношение к сохранению традиций как к нравственному долгу, избегание попыток критически оценивать культурное наследие страны исхода, стремление говорить о традициях и обычаях от имени народа [\[31\]](#). Показателен тот факт, что в большинстве проанализированных интервью за данными тенденциями стояло явное или менее явное

желание вернуться в страну исхода, где основной проблемой для информантов оказывалась коммуникация с их детьми, родившимися в России. Наиболее отчетливо данная интенция проявилась в интервью Нурбека – водителя такси из Саратова: *«Я в России живу с 2011 года. У меня здесь трое детей родилось. Но я все равно думаю уехать к себе вернуться. Надо вернуться. Но я за детей не уверен. Они киргизский язык не знают и не хотят учить. И ездят в Киргизию они только как туристы, навестить родных. Я с ними уже разговаривал об этом, а они говорят, что им здесь жить лучше. У них уже здесь друзья, учеба. Я вообще не столько волнуюсь за них, сколько за себя. Как мы будем дальше общаться. Я – там, они – здесь»* (Нурбек, 42 года).

Не менее интересными оказались и стратегии отношения к традициям страны исхода в среде второго поколения. При этом данные стратегии не только указывают на различные способы отношения с семейным прошлым, но и позволяют увидеть потенциальные конфликтогенные зоны в межпоколенческих отношениях по поводу общих семейных воспоминаний. Первой стратегией отношения к семейному прошлому стало тотальное нежелание вообще что-либо перенимать. При этом речь шла не столько о семейном прошлом, сколько о классическом конфликте «отцов и детей», где семейные традиции просто оказывались еще одним способом заявить о независимости второго поколения. Подобная позиция не получила широкого распространения и выявлена только в четырех интервью. Наиболее распространенной оказалась вторая позиция, где доминирующим мотивом оказывалось не критическое восприятие семейных традиций, либо в силу их романтизации со стороны младшего поколения, либо со стороны настойчивой позиции старшего поколения, оказывавшего на своих детей и внуков существенное влияние. Вместе с тем, даже в рамках данной стратегии достаточно частым в интервью оказывалось позиционирование молодежью персонифицированного взгляда на семейное прошлое, состоящего в принятии одних традиций и несогласии с другими. Показательно, что важную роль в конструировании молодежной памяти о стране исхода играли медиатизированные образы последней в Интернете и социальных сетях. Факт обращения к образам страны исхода в Интернете был выявлен практически во всех интервью представителей второго поколения. Наконец, третьей стратегией, выявленной нами лишь в трех интервью оказалась стратегия своеобразного со-производства общего смысла семейного прошлого. В данном случае представители второго поколения не просто высказывали персональный взгляд, но стремились задавать собственные вопросы семейному прошлому, размышлять о нем, говорить о «неудобных» страницах памяти. Это позволяло им не только критически воспринимать семейное прошлое, но и «достраивать» новыми смыслами семейное предание, помещая последнее в новый контекст. Данная позиция уже анализировалась в зарубежных исследованиях на примере нарративов второго поколения мигрантов из государств бывшей Югославии, родившихся и выросших в Великобритании [\[22\]](#).

Таким образом, обращение к методологии транснационализма и праксиологического подхода в качестве концептуальных оснований нашего исследования позволило проанализировать семейную память мигрантов в качестве конфигурации нарративов и практик, акцентирующих внимание как на памяти о стране исхода, так и учитывающих историческую культуру принимающего общества. В исследовании был подтвержден вывод о существенном влиянии межпоколенческой динамики на конфигурацию практик и нарративов семейной памяти. При этом важным фактором современного российского миграционного общества остается доминирование трудовой миграции, что накладывает отпечаток на особенности коммеморативных практик мигрантов, где роль первого поколения все еще является ключевой. В этом и состоит принципиальное отличие российского случая от глобальных тенденций трансформации семейной памяти

мигрантов, где представители полуторного и второго поколения уже становятся важными участниками общественной жизни принимающих стран и оказывают влияние на особенности репрезентации семейно-исторического опыта в новых реалиях. Как и за рубежом, нами зафиксировано возрастание роли медиатехнологий и социальных сетей, активно участвующих в процессе конструирования коммемораций страны исхода, а также усиливающих их ностальгический эффект семейных воспоминаний и романтизацию памяти о стране исхода.

Исследование выявило сохранение важной роли землячеств в качестве вектора направленности миграционных потоков. Подтвержден ранее высказанный вывод о сохранении в современной России «параллельных» сообществ памяти: мигрантов и принимающего общества. В отношении мигрантов это нашло выражение в их открытости только русскому языку, в то время как отношение к российским традициям и праздничной культуре можно было скорее охарактеризовать как нейтральное. Наиболее открыты российским праздникам оказались представители второго поколения, а наименьший интерес проявили представители полуторного. Среди представителей всех поколений зафиксирован высокий уровень положительного отношения к традициям страны исхода, где именно семейные коммеморации традиций оказались одним из важнейших факторов сплоченности сообществ мигрантов. Анализ интервью позволяет сделать вывод об отсутствии кризиса самоидентификации в связи с эмиграцией информантов первого и полуторного поколения из страны исхода, однако по мере движения от первого поколения к полуторному наблюдается постепенный уход от ностальгических воспоминаний о стране исхода в целом к ностальгии по отдельным вещам и практикам.

Обращение к поколенческим особенностям трансляции и воспроизводства семейной памяти выявил возрастание различий между первым и вторым поколением, что нашло отражение в снижении интереса второго поколения к религиозным традициям, семейным историям и эмоциональным образам страны исхода, нейтральном отношении к семейным реликвиям, а также снижении интереса к семейным коммеморациям, связанным с практиками хранения и коллективного просмотра семейных фотографий. В данной связи нужно учитывать общие психологические особенности подросткового возраста и противоречия интеграции в новое культурное сообщество. На основе трех наиболее распространенных способов отношения с семейным прошлым у второго поколения (нежелание перенимать, некритическое восприятие традиций, со-производство общего смысла) выявлены потенциальные конфликтогенные зоны в межпоколенческих отношениях по поводу общих семейных воспоминаний. Все это показывает, что несмотря на специфику миграционной ситуации в России, межпоколенческие взаимоотношения по поводу семейных коммемораций демонстрируют существенное сходство с глобальными тенденциями и требуют дальнейшего анализа в свете мирового опыта.

Библиография

1. Memory and Migration: multidisciplinary approaches to memory studies / Creet J., Kitzmann A. (Eds.). Toronto: University of Toronto Press, 2011. 325 p.
2. History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation / Glynn J., Kleist O. (Eds.). London: Palgrave MacMillan, 2012. 243 p.
3. Migration and Memory. Representations of Migration in Europe since 1960 / Hintermann C., Johansson C. (Eds.). Innsbruck: Studien Verlag, 2010. 224 p.
4. Memories on the Move. Experiencing Mobility, Rethinking the Past / Palmberger, M. & Tošić, J. (Eds.). London: Palgrave MacMillan, 2012. 293 p.

5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
6. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызов, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34-50.
7. Воронова М.В., Воронов В.В. Аналитическая модель факторов адаптации и интеграции мигрантов в регионах России // Власть. 2019. № 06. С. 69-76.
8. Эль-Мафаалани А. Парадокс интеграции. Почему успешная адаптация мигрантов приводит к новым конфликтам. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 216 с.
9. Линченко А.А. Миграции и миграционные сообщества в фокусе memory studies // Tempus et Memoria. 2021. Т.2, N.2. С. 6-16.
10. Friedman-Kasaba K. Memories of Migration: Gender, Ethnicity and Work in the Lives of Jewish and Italian Women in New York, 1870-1924. N.Y.: State Univ. of N.Y. Press, 1996. 242 p.
11. Wirth C. Memories of Belonging: Descendants of Italian Migrants to the United States, 1884-Present. Leiden-Boston: Brill, 2015. 405 p.
12. Nyman J. Displacement, Memory and Travel in Contemporary Migrant Writing. Leiden-Boston: Brill, 2017. 251 p.
13. Labadi S. Museums, Immigrants, and Social Justice. London: Routledge, 2018. 149 p.
14. Museums and Migration. History, Memory and Politics / Edit. by Laurence Gouriévidis. London: Routledge, 2014. 263 p.
15. Diaspora and Memory: Figures of Displacement in Contemporary Literature, Arts and Politics / Eds. M.-A. Baronian, S. Besser and Yolande Jansen. Amsterdam-N.Y.: Rodopi, 2007. 213 p.
16. Erll A. Transcultural Memory // Témoigner. Entre histoire et mémoire. 2014. № 119. P. 178.
17. The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders / Ed. by Lucy Bond and Jessica Rapson. Berlin: De Gruyter, 2014. 286 p.
18. Memory Unbound: Tracing the Dynamics of Memory Studies / Ed. by Lucy Bond, Stef Craps and Pieter Vermeulen. N.Y.: Berghahn books, 2017. 293 p.
19. Palmberger M. How generations remember: Conflicting Histories and shared memories in Post-War Bosnia and Herzegovina. London: Palgrave Macmillan, 2016. 268 p.
20. Raasch J. Using History to Relate: How teenagers in Germany Use History to Orient between Nationalities // History, Memory and Migration: Perceptions of the Past and the Politics of Incorporation / by I. Glynn, J.Olaf Kleist (Eds.). London: Palgrave MacMillan, 2012. pp. 68-87.
21. Üllen S. Ambivalent Sites of Memories: The Meaning of Family Homes for Transnational Families // Memories on the Move Experiencing Mobility, Rethinking the Past / Monika Palmberger and Jelena Tošić (Eds.). London: Palgrave MacMillan, 2012. pp. 75-99.
22. Zorko Š.D. Cultures of risk: On generative uncertainty and intergenerational memory in post-Yugoslav migrant narratives // The Sociological Review. 2020. Vol. 68 (6). pp.1322-1337.
23. Serpente A. Diasporic constellations: The Chilean exile diaspora space as a multidirectional landscape of memory // Memory Studies. 2015. Vol.8 (I). pp. 49-61.
24. Horsti K. Communicative memory of irregular migration: The re-circulation of news images on You Tube // Memory Studies. 2017. Vol.10 (2). pp. 112-129.
25. Malek A. Subjunctive nostalgia of postmemorial art: Remediated family archives in the Iranian diaspora // Memory Studies. 2021. Vol. 14 (2). pp. 140-158.

26. Bowerling Denisle J. "Genealogical nostalgia": Second-generation memory and return in Caterina Edward's *Finding Rosa* // *Memory Studies*. 2011. № 5 (2). pp. 131-144.
27. Marschall S. "Memory objects": Material objects and memories of home in the context of intra-African mobility // *Journal of Material Culture*. 2019. February. pp. 1-17.
28. Bauerkämper A. Holocaust memory and the experiences of migrants: Germany and Western Europe after 1945 // *Holocaust Memory in a Globalizing World* / ed. by Jacob S. Eder, Philip Gassert and Alan E. Steinweis. Göttingen : Wallstein Verlag, 2017. pp. 31-45.
29. Rathkolb O. Holocaust Perceptions of Immigrants in Austria: The Hidden European Dimension of Holocaust Memory // *Holocaust Memory in a Globalizing World* / ed. by Jacob S. Eder, Philip Gassert and Alan E. Steinweis. Göttingen : Wallstein Verlag, 2017. pp. 45-61.
30. Jikeli G. Perceptions of the Holocaust Among Young Muslims in Berlin, Paris and London. *Perceptions of the Holocaust in Europe and Muslim Communities: Sources, Comparisons and Educational Challenges* / Günther Jikeli, Joëlle Allouche-Benayoun (eds.). Dordrecht : Springer, 2013. pp. 105-133.
31. Линченко А.А., Благинин В.С. Трансформация семейной памяти мигрантов в свете межпоколенческой динамики: на примере Липецкой области // *Социодинамика*. 2022. № 12. С. 11-31.
32. Colombo E., Leonini L., Rebughini P. Different but not stranger: Everyday collective identifications among adolescent children of immigrants in Italy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2009. N. 35 (1). pp. 37-59.
33. Scutaru B. Childhood memories of belonging among young Romanian migrants in Italy: A qualitative life-course approach // *Childhood*. 2021. Vol. 28 (3). pp. 409-426.
34. «Жить в двух мирах»: переосмысливая транснационализм и транслокальность / сб. статей; под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 520 с.
35. *Migration and translational social spaces*. Brookfield USA: Ashgate, 1999. 219 p.
36. Vertovec S. Migrant transnationalism and modes of transformation // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38. № 3. pp. 962-973.
37. Levitt P., Jaworsky B.N. Transnational migration studies: past developments and future trends // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. pp. 129-156.
38. Капустина Е., Борисова Е. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысливая транснационализм и транслокальность / сб. статей; под ред. О. Бредниковой и С. Абашина. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 14-29.
39. *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg, 2002. 288 p.
40. Fivush R., Merrill N. An ecological systems approach to family narratives // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9 (3). pp. 305-314.
41. Schütze, F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // *Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven* / Kohli, Martin (Ed.); Robert, Günther (Ed.). Stuttgart: Metzler, 1984. S. 78-117.
42. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 381.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является межпоколенческая динамика семейной памяти мигрантов в контексте глобальных тенденций и с учетом российской специфики.

В качестве базовой теоретико-методологической основы представленного исследования выбран транснациональный подход, учитывающий и крайности теорий ассимиляции, и противоречия мультикультурализма. Методологическая новизна этого подхода заключается в переносе внимания на изучение социального поля, которое образуется миграционными сообществами за пределами географических и политических границ. Также было проведено социологическое исследование с использованием анкетирования и интервьюирования, для обработки и анализа результатов использовались статистические методы.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как глобальная миграция является одним из наиболее значимых вызовов современного общества, а исследования современных миграционных обществ за рубежом и в России показывают, что сами внешние мигранты (иммигранты) являются крайне неоднородной группой. Ситуация оказывается еще сложнее при взгляде на неоднородность миграционных сообществ в свете межпоколенческой динамики. Кроме того, как отмечено, данная статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00503 «Трансформация коллективной памяти миграционных сообществ в современной России: межпоколенческая динамика, семейные ценности и коммеморативные практики».

Научная новизна исследования заключается в изучении семейной памяти на основе прагматического подхода, который делает акцент не столько на знания о прошлом, репрезентированные в историческом опыте семьи, сколько на преемственность практик, характерных для сферы труда, быта и досуга. Именно повседневные практики труда, быта и досуга передаются из поколения в поколение, приобретая характер семейных традиций. Они же в значительной мере становятся предметом семейных нарративов, где исторические события оказываются своеобразным «фоном» для развертывания динамики семейных воспоминаний. Семейная память в подобном случае оказывается механизмом языкового преобразования практик семейного исторического опыта, поскольку она преобразует исторический опыт в нарратив. Более того, семейная память способствует преобразованию коммуникации в общение, где коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого.

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно выделить такие элементы как вводную часть, обзор литературы, методологию исследования, разделы исследования, обобщающие исследовательские выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить описание особенностей трансляции семейной памяти мигрантов в межпоколенческой перспективе. Семейная память – это всегда трансляция семейного исторического опыта между поколениями, а межпоколенческие отношения начинают влиять как фактор разной степени интеграции первого, полуторного и второго

поколения в культурные практики принимающего общества. В этой связи традиционные для трансляции семейной памяти вопросы отношения к семейным традициям, реликвиям, а также к общим ценностям семейного прошлого способны приобретать конфликтное измерение, где на известный «конфликт отцов и детей» накладывается еще и особенности миграционной ситуации. Наиболее интересные результаты по заданным респондентам вопросам представлены в рисунках, что позволяет наглядно воспринимать информацию по проведенному исследованию.

Библиография содержит 42 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точки зрения различных ученых, характеризующих исследование памяти мигрантов, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике в различных научных школах и среди различных исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что обращение к поколенческим особенностям трансляции и воспроизводства семейной памяти выявил возрастание различий между первым и вторым поколением, что нашло отражение в снижении интереса второго поколения к религиозным традициям, семейным историям и эмоциональным образам страны исхода, нейтральном отношении к семейным реликвиям, а также снижении интереса к семейным коммеморациям.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, государственным и муниципальным служащим, представителям миграционных служб и центров, аналитикам при подготовке справочных материалов и пояснительных записок по заявленной тематике.

В качестве рекомендации можно отметить, что объем представленной научной статьи очень большой, для ее опубликования возможно несколько сократить ее содержание. Однако данная рекомендация не снижает высокую значимость проведенного исследования, а статью рекомендуется опубликовать.